

ИЗ ПУШКИНСКОГО ОНОМАСТИКОНА: *ГРАФ ПРОНСКИЙ*

Напомним: если ссора двух персонажей «Барышни-крестьянки», Ивана Петровича Берестова и Григория Ивановича Муромского, прекратилась нечаянным образом, то дружбу недавних врагов укрепил взаимный интерес. В Алексее Берестове, который рано или поздно «будет один из самых богатых помещиков той губернии», старший Муромский увидел выгодного жениха для своей дочери, а старший Берестов, со своей стороны, рассудил, что брак с Лизаветой Муромской обеспечит его сына капиталом невестственным, но прочным:

...Григорий Иванович был близкой родственник Графу Пронскому, человеку знатному и сильному; Граф мог быть очень полезен Алексею...¹

Единожды промелькнувшая в тексте, номинация *Граф Пронский / Пронской* не задерживает на себе читательское внимание, о чем свидетельствует, например, такое суждение, высказанное на страницах авторитетного научного сборника:

...у Пушкина присутствуют и сюжетно, и референциально немотивированные имена: граф Пронский (знакомый Берестовых)...²

Здесь всё неверно. Начать с того, что «близкие» отношения между Муромским (не Берестовым!) и Пронским мотивированы историческим материалом, изложенным у Карамзина. Образованные от топонимов, т. е. наиболее почитаемые в национальном сознании³, эти фамилии отсылают к удельным князьям из одной ветви (Ярослава Святославича), домены которых в эпоху раннего

¹ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. [Л.,] 1948. Т. VIII. С. 122. (Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках после цитаты с указанием тома и страницы – соответственно римскими и арабскими цифрами.) В черновиках этот затекстовый персонаж фигурирует как *Граф К**** (VIII: 689).

² Фролова О. Е. Имя собственное в художественном тексте // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. М., 2001. Ч. 2. С. 163.

³ См.: Успенский Б. А. Социальная жизнь русских фамилий (вместо послесловия) // Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989. С. 339–340. Примеч. 3.

средневековья соседствовали на территории Рязанского княжества⁴. Род князей Муромских пресекался в конце XIV в.; Пронские же, перешедшие на московскую службу, пережили, хотя и не без потерь, эпоху Ивана Грозного (один из них даже прославился при взятии Казани⁵), удержав высокую местническую честь вплоть до смерти последнего из них в конце XVII в.⁶ На рубеже XVIII–XIX в. следовавшие друг за другом издания «Словаря Академии Российской» сообщили обеим угасшим фамилиям эмблемный характер:

КНЯЗЬ <...> 3) В старину в России нарицался сим именем всякой владелец, имевший <...> в своем управлении, область, удел, уезд <...>. *Князь Пронский. Князь Белозерский. Князь Муромский*⁷.

Около этого времени *Пронский* входит в круг театрально-литературных имен. В комедии Шаховского «Новый Стерн» (1805), которую лицейские воспитанники разыгрывали в 1814–1815 гг.⁸, «сантиментальный путешественник» граф Пронский, рехнувшийся вследствие чтения «плаксивых сочинителей» (подразумеваются московские карамзинисты), вознамерился жениться на Маланье, дочери мельничихи; его тирада на этот счет отзывается в соответствующем месте «Барышни-крестьянки»:

... жребий мой брошен: сделаюсь
земледельцем <...> и вместе с нею
поселюсь в низкой хижине. Там <...>
буду с нею обрабатывать уголок земли...⁹

... романтическая мысль жениться
на крестьянке и жить своими
трудами пришла ему в голову...
(VIII: 123)

⁴ О совместных походах муромских и пронских владетелей, равно как и об их кровавых междоусобиях, см.: *Карамзин Н. М. История Государства Российского*. М., 1988–1989. Кн. I. Т. II. Примеч. Стб. 106; Т. III. Стб. 73–74 [Репринтное воспроизведение изд. 1842–1844 гг.].

⁵ См.: Там же. Кн. II. Т. VIII. Стб. 89, 97, 99, 102. Ср. еще раньше в «Россиаде» (песнь II): «Держащий булаву и щит златый руками, / Князь Пронский зрится мне пред конными полками, / Густыми перьями покрыт его шелом, / И мнится, издают его доспехи гром» (Эпические творения М. М. Хераскова. М., 1820. Ч. I. С. 33).

⁶ *Седов П. В. Закат московского царства: Царский двор конца XVII века*. СПб., 2008. С. 176.

⁷ *Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный*. Ч. III. СПб., 1792. Стб. 667; *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*. Ч. III. СПб., 1814. Стб. 197.

⁸ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799–1826 / Сост. М. Цявловский*. 2-е изд. Л., 1991. С. 74.

⁹ *Шаховской А. А. Комедии; Стихотворения*. Л., 1961. С. 749.

В комедии Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), инспирировавшей «войну на Парнасе» и тоже отлично известной Пушкину-лицеисту (см.: XII: 295–297), снова появляется это фамильное имя, но теперь оно присвоено персонажу высокого плана – нетитулованный полковник Пронский представлен героем недавней кампании, исполненным всех добродетелей старинного русского дворянства¹⁰.

Шеренга литературных Пронских¹¹ заметно пополнилась как раз накануне сочинения «Повестей Белкина». В январе 1830 г. в продажу поступил альманах «Царское Село», в котором наряду с тремя стихотворениями Пушкина появилась повесть Александра Дельвига (подписавшегося псевдонимом-анаграммой А. Влидге) «Село Ивановское». Она открывается фразой, лишней раз фиксирующей территориальную близость былых удельных княжеств:

Не далеко от Мурома, в богатом селе Ивановском, жил помещик Пронской¹².

Во второй половине июля 1830 г. в «Сыне отечества» началась печатанием повесть Александра Бестужева (Марлинского) «Испытание», полемически варьировавшая онегинскую фабулу. Описывая в третьей главе столичный великосветский бал, автор в характерной для него манере напряженного (почти натужного) острословия передавал реплики партнеров по бесконечному попури:

– Скажите, графиня, неужели это прыгающее *temento mori* – князь Пронский? Он так часто меняет свои покрои, прически и мнения, что не мудрено ошибиться!¹³

¹⁰ См. в одном из первых его монологов: «Но как, скажите мне, там быть не храбрым можно, Где к славе наш народ вселенной дал пример?» (Там же. С. 133).

¹¹ Упомянем, в частности, польских графов Пронских из повести Аристарха Лукницкого «Ненависть побежденная любовью и благодарностью» (Северный Меркурий. 1809. № 3. С. 175–192) и отставного гусара Пронского из комедии М. Н. Загоскина «Роман на большой дороге» (СПб., 1819).

¹² Царское село: Альманах на 1830 год / Изд. Н. Коншиным и Блароном Розеном. СПб., 1829. С. 244. За указание на источник благодарю Н. В. Назарову.

¹³ *Сын отечества* и Северный архив. 1830. Ч. XIII. № XXX. С. 189–190. (Ц. р. – 29 июля.); *Бестужев А. А. (Марлинский). Ночь на корабле: Повести и рассказы.* М., 1988. С. 38.

Наконец, 9 августа, за день до отъезда Пушкина из Петербурга в Москву (откуда 1 сентября он отправился в Болдино), вышел очередной номер «Литературной газеты», где была опубликована анонимная сатирическая сценка «Бал за Москворечьем». Ее сюжетом служит поездка дворянского кружка, обыкновенно собирающегося на Тверской у некоей Веры Ивановны, на бал к жене замоскворецкого нувориша – то ли Замарбицкой, то ли Мурбазицкой, то ли Чумарзицкой; не без труда добравшись до цели («Какая даль и какая мостовая!»), Вера Ивановна обнаруживает среди гостей и других своих светских знакомых:

Так! Пронский уж тут. Он и в Чухлому попадет на бал¹⁴.

Пронские из двух последних текстов выводят к проблеме, ставшей на рубеже 1820–1830-х гг. предметом интенсивной рефлексии Пушкина. Согласно его историко-социологической концепции, на доминирующих позициях в государственном устройстве России утвердились «аристократия чиновная» и «аристократия богатства», взлелеянные фавором правящих монархов, между тем как «аристократия родовая», «древние фамилии» – в силу отсутствия института майората – «приходят в ничтожество» (VIII: 53). Иллюстрацией такого положения вещей служат князья Елецкие, «Антип Кузмич и Ерема Авдеевич», которые «как известно, ныне пашут сами...» (VIII: 410), героиня <«Романа в письмах»>, аттестующая себя «смирненной демократкой» именно ввиду принадлежности «самому старинному русскому дворянству» (VIII: 49), потомок скандинавских «вождей» Езерский, подвизающийся коллежским регистратором (V: 101) и, разумеется, протагонист «Медного всадника», чье знаменитое «прозванье» вообще «забыто светом и молвой» (V: 138). Все они, однако, достаточно молоды, и это обстоятельство оказывает существенное влияние на распределение акцентов в пушкинском бытописании: социальную деградацию, вмененную новым поколениям «исторических родов», контрастно оттеняет сословная идентичность обломков прошлого века. К их числу относятся, например, безымянный князь, отец Полины, в наброске <«Рославлев»>, дряхлеющий князь Верейский и «старинный русский

¹⁴ Литературная газета. 1830. Т. II. № 45, 9 августа. С. 68–69. Эта сценка предположительно атрибутировалась Пушкину (см.: *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 449–456) и П. Л. Яковлеву (см.: *Блинова Е. М.* «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина, 1830–1831: Указатель содержания. М., 1966. С. 175).

барин» (VIII: 161) Троекуров¹⁵ в «Дубровском». В сходном ключе выведен и Муромский в «Барышне-крестьянке». Носитель угасшей княжеской фамилии, он и держит себя как «настоящий русский барин» (VIII: 109); мотая и проказничая, Григорий Иванович тем не менее находит ресурсы для того, чтобы не менять модус вивенди сибарита-англомана, обеспечивая заодно все нужды дочери.

Иную смысловую нагрузку несет упоминание его «знатного и сильного» родственника *графа Пронского*. В пушкинском контексте это сочетание отсылает к весьма редкой фигуре рюриковича, которому удалось войти в состав «новой аристократии» – и даже раствориться в ней, что подчеркнуто своеобразным разменом древнего княжеского достоинства на новоизобретенный (в 1706 г.) графский титул, т. е. родового сиятельства – на персональное. Знаковый характер подобной коллизии удостоверяет несомненно известный Пушкину эпизод из биографии Д. П. Татищева, посла России при дворе Габсбургов в 1826–1841 гг.:

Русские либералы Татищева не терпели как закадычного друга Меттерниха; но, упоминая его имя, следует вспомнить прекрасную черту его характера, пример благородства и независимости, которому последовали у нас весьма немногие. Несколько раз предлагаемо ему было графское достоинство, он не согласился принять титул, ссылаясь на то, что Татищевы происходят от смоленских удельных князей, хотя и не пользуются вместе со многими захудалыми Рюриковичами княжеством. Чтобы этот отказ увековечить, для своего герба под княжеской мантией принял он в девиз надпись: «Не по Грамоте»¹⁶.

В заключение стоит заметить, что литературные Пронские¹⁷ недолго сохраняли отсвет исторического предания, и не кто иной,

¹⁵ Эта фамилия тоже ассоциировалась Пушкиным с княжеским родом (см.: X: 22, 23).

¹⁶ Записки Дмитрия Николаевича Свербева (1799–1826). М., 1899. Т. II. С. 138. См. также: Из полемических заметок князя П. А. Вяземского (публикация, вступит. статья и коммент. Д. П. Ивинского) // Вестник МГУ. Сер. Филология. 2004. № 1. С. 194. Изображение герба дворянской ветви Татищевых с девизом «Не по грамоте» см.: *Богомолов С. И.* Российский книжный знак: 1700–1918. М., 2004. С. 805–806.

¹⁷ Среди них – «краснощекий и видный собой гусарский поручик» в «Рославле» (см.: *Загоскин М. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 399; ср. примеч. 11) и герой романа Кюхельбекера «Последний Колонна», увидевшего свет только через сто лет после написания (см.: *Кюхельбекер В. К.* Сочинения. Л., 1989. С. 353–415).

как автор «Войны и мира», высказался на этот счет совершенно категорически:

Сопоставляя действующие не исторические лица с другими историческими лицами, я чувствовал неловкость для уха заставлять говорить графа Растопчина с кн[язем] Пронским, с Стрельским или с какими-нибудь другими князьями или графами вымышленной <...> фамилии¹⁸.

¹⁸ Толстой Л. Н. Несколько слов о книге «Война и мир» // Полн. собр. соч. (Юбилейное издание). М., 1955. Т. 16. С. 9. Что касается фамилии *Стрельский*, то она действительно имеет литературное происхождение, а Толстой скорее всего позаимствовал ее из весьма популярной комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

LAUREA LORAE

**Сборник памяти
Ларисы Георгиевны Степановой**

Санкт-Петербург
Нестор-История
2011